

Тенденции и противоречия развития экономического пространства города: методологические аспекты исследования

А.С. Иванов

Методологический анализ проблем развития экономического пространства современного города позволяет понять внутреннюю противоречивость протекания большинства процессов, как связанных непосредственно с пространственными условиями городов, так и описываемых исследователями с помощью пространственной метафоры. Так получается, что города всегда оказываются в авангарде новых социальных практик, экономических тенденций и культурной динамики. Это изменение форм экономической активности, ее локализации, изменение структуры занятости, тенденции конкуренции и концентрации рынков, возникновение именно в городах специфических форм синтеза культурных инициатив и рыночных инноваций. Эти проблемы находятся в поле внимания экономистов; специалистов в области урбанистики; социологов, которые пытаются увидеть в таком развитии причины, в большей степени укладывающиеся в их предметную область. Большинство таких исследований имеют прагматический характер и направлены на предложение методов, инструментов чаще всего маркетинга, планирования развития городских пространств. Представляется, что необходимо более глубокое, возможно, методологическое осмысление прежде всего пространственных экономических процессов, недоучет которых не способствует воспроизводству экономического пространства городов на гармоничной основе.

Городское экономическое пространство выступает средоточием движения различных факторов производства, прежде всего капитала, обеспечиваемого именно в его условиях наиболее высокой отдачей. Подвижные, условные во многом границы современного города или агломерации зависят, особенно начиная с середины XIX в., от характера и направленности инвестиционной политики, приоритетов управления экономическим пространством. Возникновение полюсов экономической активности в городах — это как результат естественного перетока капитала в новые, инновационные организационные формы, отрасли, сферы, так и следствие создания соответствующей городской инфраструктуры. В то же время именно в городах процессы, связанные с демографическими, культурными, политико-экономическими тенденциями, приобретают особую остроту. Вместе с тем именно в городах они находят свое разрешение:

создаются новые формы конкуренции и кооперации, ускоряющие перелив капитала, возникают новые точки роста, повышающие ценность информации, трансформирующие традиционные общественные институты.

Известная в экономической литературе точка зрения, что процесс глобального по характеру экономического развития получает наибольший импульс именно в локальных пространствах, заставляет говорить о городах как о наиболее выраженных подобных пространствах. Экономическое пространство города либо тождественно конкретной городской территории в ее административных границах, либо выступает пространством интеграции различных территорий или их отдельных единиц, либо является пространством экономической активности хозяйственных агентов других регионов.

Х.Х. Валиуллин определяет экономическое пространство как пространственную форму процессов самореализации экономических субъектов, отражающую объективные отношения их сосуществования¹. Представляется, что это некий социальный конструкт, результат координации политических, социальных, экономических интересов акторов, включенных в процессы совместного управления ресурсами и реализации кооперативных стратегий. Он выступает средоточием конвергенции как хозяйственных интересов, так и взаимного наложения институциональных норм различного происхождения — национального (федерального), субнационального, собственно территориального. В интерпретации экономического пространства города могут использоваться как классические идеи Маршалла о факторах агломерации (концентрация квалифицированного труда; развитая сеть вспомогательных фирм, обеспечивающая приток товаров и сервисов; географическая близость), идеи чикагской школы городских исследований, так и современные концепции. Чаще всего методология изучения пространственных факторов строится на структурном и неоклассическом подходах, акцентирующих внимание либо на анализе ресурсных компонентов территории города, либо на рыночных условиях экономической активности. Децентрализация в управлении городским развитием способствовала отходу от фордистской модели к регуляции производственных отношений на основе гибкой, преимущественно горизонтальной интеграции.

Относительно новые исследовательские программы, такие как теория регуляции, теория инновационных сред, теория конвенций, по-новому стали трактовать экономическое пространство регионов и городов. То, что локализация экономических взаимодействий, агломерация подчиняются не только законам рыночной конкуренции или накопления капитала, приводит к использованию когнитивных механизмов в развитии городов. Локализация малых предприятий, производственных сетей может подчиняться другой логике: подход через географическую и институциональную близость акцентирует внимание на проблемах координации, согласования интересов акторов. Без такой координации территория остается неким пассивным пространством².

¹ Валиуллин Х.Х. Дрейф экономического пространства: Теория и эмпирика. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2010. С. 19.

² Одинцова А.В. Пространственная экономика в работах представителей французской школы регуляции // Пространственная экономика. 2011. № 3. С. 66.

Исследуемые тенденции можно проиллюстрировать примерами развития некоторых южных городов России. Здесь есть ряд особенностей, связанных с их географическим расположением, сильным влиянием этнокультурных факторов, исторически сложившейся специализацией. На этом экономическом пространстве действовали различные по природе тенденции. С одной стороны, в этих городах, расположенных чаще на исторических торговых путях или на приграничных территориях, главным образом развивались отрасли, связанные с торговлей, и транспортная инфраструктура. С другой стороны, часто именно эти города (например, Волгоград, Астрахань), особенно с рубежа XIX–XX вв. и в эпоху индустриализации, становились важнейшими промышленными центрами юга страны. Безусловно, в советский период развитие городов, расширение их границ, структура занятости населения были подчинены в первую очередь логике размещения промышленных производств, комплексов. На территориальную структуру, транспортные коммуникации Волгограда решающее влияние оказали факторы концентрации крупного металлургического, машиностроительного, нефтехимического производств, расположившихся на берегу Волги. В условиях же значительного промышленного спада на первое место выдвинулись транзакционные факторы, определившие расширение торгово-посреднического сектора, сформировавшего в свою очередь новые требования к повышению пропускной способности транспортной инфраструктуры.

Изменение структуры занятости в российских городах в пользу сервисных секторов отражает общемировые тенденции (доля сектора услуг в среднем по стране составляет свыше 60% ВВП и превышает 80% ВРП в Москве). В промышленных городах сокращение промышленного выпуска означает почти безальтернативное снижение покупательной способности и неизбежно приводит к перекосам в сторону преобладания сервисных и торговых секторов. В краткосрочном периоде это снижает риск роста безработицы, в долгосрочном — могут возникнуть серьезные препятствия для экономического развития.

Большинство экономистов пытаются сформулировать современные факторы размещения производительных сил как в регионах, так и в рамках городских территорий. Часто утверждается, что в постиндустриальную эпоху на смену законам концентрации производства и комбинирования выдвигаются закономерности аутсорсинга, вертикальной дезинтеграции производственных систем. Скорее всего, это правильно, если российские регионы и города в большинстве своем являются центрами притяжения крупного транснационального бизнеса, соизмеряющего выгоды и затраты использования ресурсов и условий их аллокации. В российских условиях мы имеем дело с деиндустриализацией города, связанной не с желанием вынести, например, грязные производства за его границы (или границы страны), как если бы это было с небыстречными с экологической точки зрения нефтехимическими и металлургическими заводами Волгограда. Связано это с элементарным промышленным спадом по конъюнктурным причинам, по причинам неэффективности управления собственников. В то же время некая избыточная масса капитала, высвобождающаяся из промышленного сектора города, перетекает в другие сферы, где она дает или может дать большую отдачу.

Методологической основой выбора и обоснования альтернатив развития городов становятся работы в рамках «постиндустриальной парадигмы» развития, шире их можно трактовать как относящиеся к неолиберальной методологии: к городам предъявляется требование перехода на рельсы «информационной экономики», «экономики знаний» и т. д. Однако контекст этих исследований недоучитывает по сути полупериферийное положение отечественной экономики в мировой экономической системе и невозможность в наличных условиях осуществить желаемые трансформации (даже если предположить их безусловный приоритет). В то же время различия в условиях развития даже крупных городов существенно влияют на возможности постиндустриальных секторов. Как справедливо замечает В. Мартьянов, «приемлемой социально-политической стратегией для России может быть лишь стратегия сокращения неодновременности страны и реальное согласие “большого общества” относительно стоящих перед ним целей и исповедуемых ценностей...»³.

Действительно, российское общество, даже разные города, даже районы внутри одного города, могут жить одновременно и в аграрном, и в экономическом, и в «постэкономическом» укладах. И если расширение последнего, например, в столичном мегаполисе носит самоподдерживающийся характер за счет капитализации экономического пространства взаимодействий, связанных не с созданием продукта, а с услугами, индустрией развлечений и т. п., то в остальных городах страны деиндустриализация может привести лишь к еще большему удорожанию жизни, разрыву социального пространства города, существенной дифференциации по уровню жизни, маргинализации населения.

Так, в последние годы в Волгограде возникают современные постиндустриальные институты, обеспечивающие занятость молодежи, формируются, пусть и эпизодически, «креативные» пространства деятельности. Понятно, что максимально задействовать население миллионного города в подобных сферах невозможно. Опыт постиндустриального транзита многих мегаполисов мира показывает, что сверхприбыль постиндустриальных экономик может быть обеспечена только монополией в глобальном масштабе. Достижение таких эффектов возможно с использованием технологий брендинга городов.

В современной ситуации развитие городов в еще большей степени, чем раньше, зависит от направленности глобального движения капитала. Возникает противоречие между интересами капитала и интересами города (как некоего коллективного субъекта). С одной стороны, города выступают точками притяжения капитала, обеспечивая его вложение с большей отдачей, с другой, ее падение вызывает риск резкого оттока капитала, потери созданной инфраструктурой гарантии должного обеспечения. Типичным способом сохранения последней является рост цен на ее поддержание, сопровождаемый неизбежно ростом концентрации секторов финансовых услуг, гипертрофией рынка недвижимости и расширением сферы фиктивных операций. Возможной альтернативой этому может быть расширение городского пространства за границы

³ Мартьянов В. Постиндустриальное общество для России: миф, теория, реальная альтернатива? // Логос. 2008. 1 (64). С. 36–37.

города, развитие зон субурбанизации. Однако последнее возможно, как правило, если население этих территорий имеет работу в центре города.

В поисках альтернатив сужающемуся сектору промышленной занятости большинство городов уже с 80–90-х гг. прошлого века применяют элементы так называемой культурной, символической, креативной экономики. Опять же методологически многие из них возникают в рамках постмодернистского дискурса, получившего дополнительный импульс именно в рамках глобализации территориального развития. В основе такой хозяйственной ориентации лежат сложные взаимно конституирующие культурные и экономические факторы. Ставка на новые постиндустриальные практики, озвучиваемые в стратегиях большинства крупных городов мира, порождает и новые формы предпринимательской активности, по-своему организующие городское экономическое пространство. В такой организации действуют как центростремительные (централизация транзакций в городах), так и центробежные (приводящие среди прочего и к джентрификации) тенденции, когда свободный капитал, в том числе высвобождающийся из разрушающегося промышленного сектора, ищет сферы наиболее эффективного применения.

Интересы строительства торгово-развлекательных центров, торговля недвижимостью, земель (шире — городским пространством) начинают объединять множество акторов — городские власти, девелоперов, стройкорпорации, торговые сети и т. д. Торговые центры в таких условиях выступают и метафорой, и реальным воплощением современного городского пространства. Под эти же сферы настраивается развитие и общегородской транспортной сети. Это зачастую приводит к эффектам концентрации, резкому повышению стоимости услуг в городах, отдельных их районах, повышению стоимости жизни. Происходит это на фоне вымывания ресурсов из промышленной сферы. Происходит выталкивание потоков капитала в области элитного потребления, что еще больше способствует поляризации уровня жизни населения в одном и том же городе. Об этих эффектах доказательно, используя исторические аналогии, свидетельствует Д. Харви, показывая, как еще в середине XIX в. развитие европейских городов с их планировкой, градостроительными стратегиями начинало подчиняться созданию практики элитного потребления, что сопровождалось усилением кредитной инфраструктуры городов. Это давало позитивный эффект, но лишь временный. «Капитал очень успешно применяется в городском строительстве, рабочие заняты на строительстве. Это порождает новые деривативные рынки: возникают новые гостиницы, новые универмаги. Универмаги становятся новыми центрами потребления»⁴.

Расширение экономического пространства городов во многом подчинено логике накопления и обращения капитала. В рамках методологии исследований Харви город выступает «центром организации данного способа производства», в капиталистическом городе усиливается связь между деньгами и пространством. Происходит коммодификация пространства, связанная с превращением

⁴ Харви Д. Неолиберальная урбанизация. Лекция 25 мая 2007 года // <http://www.inop.ru/reading/page140> (дата обращения: 14.08.2014).

городской земли, недвижимости в основной актив, обеспечивающий большую норму прибыли, чем в производстве. Уже в 70-е годы прошлого века рост спекуляций с недвижимостью крупных городов стал выходом капитала на новый уровень доходности в условиях кризиса. Как отмечает Е.Г. Трубина, изменяющаяся форма урбанизации и территориальной организации государства при капитализме попадает в ловушку пространственно-временных противоречий капиталистических отношений. Так, на примере Екатеринбурга показывается, как приватизация городского пространства сопровождается риторикой о выгодах, которые получают горожане в случае строительства очередного торгового центра или элитного жилого комплекса на месте общедоступного парка: «общественное место продается как частный символический актив...»⁵. Исследования экономики городов, базирующиеся на неолиберальной методологии, подобную риторику подкрепляют акцентами на интересы именно капитала в обустройстве городского пространства.

Следует заметить, что эти тенденции, типичные для большинства крупных городов России в последние годы, не представляют угрозы, если экономическое пространство города обладает способностью поглощать спрос на созданные инфраструктурные объекты, новую коммерческую и жилую недвижимость, гостиницы (как это происходит в столичных центрах). Здесь высокоурбанизированные пространства развиваются с высокими социальными стандартами для населения и не испытывают недостатка в ресурсах. В условиях развития городов юга России, увеличения потока внутренних мигрантов из сопредельных территорий, неготовности инфраструктуры к использованию вновь прибывшей рабочей силы, даже когда специализация городов тяготеет к транзакционной деятельности, возникает угроза разрушения целостности, фрагментации экономического пространства, закрепления неэффективных институтов.

На Западе среди городских пространственных тенденций, вызванных структурными сдвигами в занятости, выделяется джентрификация, способная в определенной мере реанимировать те городские территории, которые подвергаются запустению в результате деиндустриализации. Правда, это чаще трактуется в позитивных тонах, выносятся за скобки факт поляризации уровня жизни, социальные эффекты, вызванные перемещением групп населения. На этом фоне неолиберальная экономическая политика городов вряд ли может способствовать их гармоничному развитию. Как отмечает Н. Смит, процесс централизации капитала связан с противоречиями между производством, социальным воспроизводством городов, расширением практики джентрификации⁶.

Можно выделить ряд перспектив развития городских экономических пространств и возможные в связи с этим ограничения и проблемы (табл. 1).

Появление различных инновационно ориентированных пространств в отдельных городах могло бы способствовать эффективности инвестицион-

⁵ Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 235–238.

⁶ Smith N. New Globalism, New Urbanism: Gentrification as Global Urban Strategy // Antipode. 2002. № 34. P. 447.

ной политики, реанимации промышленного потенциала, направленности и в конечном счете снижению стоимости жилищного строительства, повышению уровня жизни и недопущению имущественного расслоения населения современных городов — как крупных, так и небольших. Новой, оптимальной тенденцией развития городского экономического пространства могло бы стать формирование саморазвивающихся инновационных сред.

Таблица 1

Возможности, перспективы и ограничения в развитии городских экономических пространств

Перспективы, возможности	Ограничения, негативные эффекты
Создание секторов постиндустриальной активности, креативных пространств, сетей, зон в городах	Тенденции джентрификации сопрягаются с расслоением населения. Кратковременность, локальность эффектов, необходимость глобальной монополии для закрепления конкурентных преимуществ
Создание новых рекреационных, культурных пространств в городах, в том числе на площадях закрывающихся промышленных предприятий. Использование возможностей накопления символического капитала на основе брендинга историко-культурного потенциала города	Приватизация, коммодификация городского пространства, рост стоимости культурных услуг. Снижение налогооблагаемой базы для городских бюджетов. Возникновение и социально-экономическая дифференциация зон расселения, разрыв единого социального пространства города
Рост торгово-посреднического сектора, сектора услуг, транспортно-коммуникационной инфраструктуры. Включение городов в интенсивные транспортные, транзитные потоки	Несоответствие высокого квалификационного потенциала населения потребностям новых секторов. Вымывание капитала из научно-технической и производственной сфер. Несоответствие темпов урбанизации и качества человеческого капитала. Усиление этнокультурного фактора в формировании новых хозяйственных институтов, нетипичных для городской среды
Формирование новых городских инновационных пространств. Рост значимости современных научно-образовательных центров, университетов, развитие технопарковых структур, модернизация жилищно-коммунальной сферы	Низкий спрос на разработки со стороны сокращающегося производства. Высокая потребность в финансовых ресурсах в условиях низкой бюджетной обеспеченности

Источник: составлено автором

Так можно преодолеть ограничения сложившихся парадигм инновационного развития, способствовать гармонизации городского пространства, вовлечению в него интеллектуальных ресурсов, что очень важно, частного капитала, обеспечив перелив из спекулятивных сфер в производственные, не допуская имущественной поляризации.

Концепция новых городов, где должны быть обеспечены расширение «пространства проблематизации» и реализация парадигмы поддержки инноваций и конкретных субъектов инновационной деятельности, способствовала бы преодолению негативных тенденций разрыва, фрагментации городов как единых экономических пространств⁷. Решение этих проблем возможно на основе активизации инвестиционной политики, реализации активной кластерной политики, интегрирующей крупные промышленные комплексы с сетями малых фирм, интенсивного использования пространственной близости промышленных структур и вновь создаваемых технологических платформ на базе университетских и научно-исследовательских комплексов.

Есть интересные примеры возникновения подобных сетей во многих городах Европы. Создание сети предприятий в области «зеленых» технологий в Копенгагене показывает, как при прямой поддержке городской власти, городских финансовых институтов удается не только сделать чистым городское пространство, но и запустить механизм экономического роста. По данным ОЭСР, в местных фирмах, специализирующихся на чистых технологиях, было занято 34 000 работников. В период с 2004 по 2009 г. оборот в секторе чистых технологий увеличился на 55% по сравнению с 35-процентным ростом в секторе бытового обслуживания и 8-процентным в сфере производства. За тот же период объем экспорта «зеленых» технологий увеличился на 77% по сравнению с 30-процентным ростом в секторе бытового обслуживания и 12-процентным ростом в секторе производства⁸.

Многообразие методологических подходов к исследованию города (использующих, в частности, пространственную проблематику) демонстрирует ситуацию, когда делается акцент на ту или иную движущую силу развития. Часто контекст исследований приобретает откровенно тенденциозный характер, когда не учитываются системные противоречия развития города, а отдельные тренды объявляются самыми оптимальными и безальтернативными. На практике развитие российских регионов и городов все чаще сталкивается с разрушением некоего социального измерения, без которого они превращаются в исключительно географические пространства, наделенные ресурсами, не обеспечивающими решение их проблем, выживание населения, капитализацию хозяйственных структур. Во многом это связано с искусственным разрушением территориальных научно-производственных комплексов и примитивизацией форм экономической активности, перекосом в сторону развития транзакционных сфер. В методологическом плане это лишний раз предостерегает от использования исключительно постиндустриальных идеологем в понимании и решении городских проблем. Перефразируя слова Д. Харви о том, что «государство — это нечто гораздо большее, чем простая территориальная институциональная поддержка требований капитала», можно говорить, что и

⁷ См.: Лепский В.Е. Проблемы организации саморазвивающихся инновационных сред // Рефлексивные процессы и управление: сборник материалов IX Межд. симпозиума. 17–18 октября 2013, Москва / отв. ред. В.Е. Лепский. М.: «Когито-Центр», 2013. С. 167.

⁸ Копенгаген — яркий пример экологического города // http://energysafe.ru/alternative_energy/companies/1193/ (дата обращения: 16.11.2013).

город и интересы его как экономического пространства значительно сложнее, чем место циркуляции капитала и его превращений⁹.

Можно отметить ряд актуальных направлений решения указанных проблем.

– Разработка стратегий локального (территориального) развития, предполагающих задействование и капитализацию экономического потенциала города с максимальным использованием общности экономических интересов, укорененных в городском сообществе знаний и хозяйственных практик, создающих уникальные конкурентные преимущества.

– Использование зарубежного опыта горизонтальной организации производства, управления локальными инновационно-производственными системами, реализации потенциала городского, межмуниципального взаимодействия.

– Переход к активной промышленной политике на основе использования отраслевых, кластерных инструментов. Преодоление последствий деиндустриализации, в частности, в Волгограде, и ускоренное восстановление на новых началах его промышленного потенциала с задействованием максимально полного состава заинтересованных сторон.

– Создание инфраструктурной сети для поддержки экологического предпринимательства: стимулирование малых и средних инновационных фирм, стартапов в области чистых городских технологий.

– Активное применение методов и подходов неоиндустриализации и предотвращение на этой основе стагнации крупных городов и мелких территориальных образований. На примере упомянутого в статье Волгограда речь должна идти о воссоздании потенциала производственной, технологической культуры городов на основе высокотехнологичных предприятий машиностроительного, обрабатывающего комплекса. Применение моделей формирования «территориальной когнитивной среды» в рамках локального управления: инновационно-промышленных кластеров, технополисов, агропромышленных технопарков, научно-образовательных структур.

– Формирование современной городской культуры, преодоление разрозненности городского пространства с использованием технологий муниципального заказа, частно-государственного партнерства. Активизация потенциала учреждений культуры, творческих вузов и использование технологий культурного менеджмента.

– Демократизация процессов принятия решений о городском планировании и инвестиционных проектах, переход от практики воспроизводства городского капитала к воспроизводству социального пространства города.

Указанные направления лишь в общих чертах охватывают сложный комплекс проблем развития современного города, но их решение должно опираться на системные методологические исследования, которые, в свою очередь, могут быть исключительно междисциплинарными, учитывать весь массив достижений исследований социально-гуманитарного характера.

Можно констатировать, что попытки анализировать многие из указанных тенденций с трудом вписываются в господствующую в последнее время в го-

⁹ Харви Д. Комментарий на комментарии // Прогнозис. Журнал о будущем. Лето 2008. № 2 (14). С. 239.

родских исследованиях неолиберальную методологию. Последняя, опираясь на идеи о глобальной конкуренции, дерегулировании, рассматривает экономическое пространство города только в категориях движения и воспроизводства капитала. В возникающем при этом дискурсе артикулируются модели города как бренда, а городского пространства — как объекта символического менеджмента, элемента экономики различий. Наверное, с этим можно связать и определенную скудость, предсказуемость нормативной функции современной неолиберальной теории городского экономического пространства. Из неолиберального нарратива исключаются сами категории социального воспроизводства, отчуждения, вуалируются тенденции расслоения, разрушения производственных комплексов. И дело не в том, что анализ таких тенденций и попытка вскрыть противоречия присущи только политэкономической методологии. Критическое рассмотрение применимости механизмов, на которых акцентируется неолиберальная традиция, в том числе в рамках глобальной, постиндустриальной парадигмы, должно предостерегать исследователей от антисистемных, упрощенных решений, включаемых в инструментарий городской политики.

Представляется, что системная методология исследования пространственных тенденций развития экономического пространства города должна строиться на комплексном учете диалектически взаимосвязанных процессов, давать возможность делать обоснованные прогнозы и учитывать динамику интересов всех заинтересованных в развитии города сторон.

Список используемых источников

1. Валиуллин Х.Х. Дрейф экономического пространства: Теория и эмпирика / Х.Х. Валиуллин. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
2. Копенгаген — яркий пример экологичного города // http://energysafe.ru/alternative_energy/companies/1193/ (дата обращения: 16.11.2013).
3. Лепский В.Е. Проблемы организации саморазвивающихся инновационных сред // Рефлексивные процессы и управление: сборник материалов IX Межд. симпоз. 17–18 октября 2013, Москва / отв. ред. В.Е. Лепский. М.: Когито-Центр, 2013.
4. Мартыанов В. Постиндустриальное общество для России: миф, теория, реальная альтернатива? // Логос. 2008. 1 (64).
5. Одинцова А.В. Пространственная экономика в работах представителей французской школы регуляции // Пространственная экономика. 2011. № 3. С. 66.
6. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
7. Харви Д. Комментарий на комментарии // Прогнозис. Журнал о будущем. Лето 2008. № 2 (14).
8. Харви Д. Неолиберальная урбанизация. Лекция 25 мая 2007 года // <http://www.inop.ru/reading/page140/> (дата обращения: 14.08.2014).
9. Smith N. New Globalism, New Urbanism: Gentrification as Global Urban Strategy // Antipode. 2002. № 34.